

БЕРЕГА КУЛЬТУРЫ

Ю.В. ПРОСАЛКОВА,

Российская государственная библиотека

О людях, о времени, о себе

О книгах Н.Е. Добрыниной

Имя Натальи Евгеньевны Добрыниной широко известно не только в профессиональных кругах, связанных с библиотековедением, библиографией, социологией чтения, но и в целом с развитием культуры второй половины XX века и современной культурой России. То, о чем она пишет и как она пишет, выходит далеко за рамки узкопрофессиональные, приобретая характер общекультурологический. Передо мной на столе три ее книги: «Изучение читателей — детей и подростков в России в XIX–XX вв.», «Соратники мои, библиотекари: Полвека в Ленинке» и «Сквозь полтора столетия: Моя семья», — они вышли в издательствах «Школьная библиотека» и «Пашков дом» в 2006, 2007, 2009 годах.

«Изучение читателей — детей и подростков в России в XIX–XX вв.» — авторское учебное пособие Н.Е. Добрыниной, обстоятельный экскурс в далекую и совсем недавнюю историю изучения детского и подросткового читателя России. Она пишет о тех из них, кто, по ее убеждению, имели и имеют долгоживущую или почти непреходящую ценность для практиков и теоретиков современной книжной культуры, общего непрерываемого процесса формирования детской и подростковой читательской аудитории. В своем пособии она рассматривает читательскую аудиторию детей и подростков как важнейшее слагаемое культуры общества России, начиная с ранних истоков книжного учения на Руси, связанного с принятием христианства. Пособие содержит материал о юных читателях России предреформенной и второй половины XX века, об исследованиях детского читателя в первой трети XX века и о возрождении таких исследований во второй половине 50-х и начале 60-х годов XIX столетия; в отдельную главу выделяется разговор о крупнейших исследо-

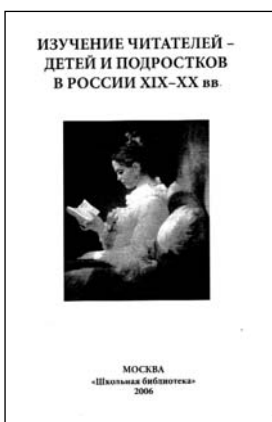
ваниях второй половины XX века — всесоюзных и международных исследованиях ГБЛ, разработчиком и участником которых, а часто и руководителем, была Н.Е. Добрынина. Знакомит она и с исследованиями чтения в регионах, проведенными в том числе и Российской государственной детской библиотекой.

Пособием удобно пользоваться как справочником или своеобразной тематической энциклопедией, настолько четко по содержанию оно структурировано; например, «Юный читатель конца 1980-х — начала 1990-х годов», «Сравнительное международное исследование “Что читают дети мира”» и т.д.

Автором пособия глубоко, емко и четко — в умозаключениях, выводах, формулировках — показывается конкретно-исторический контекст каждого конкретного исследования. Разносторонние знания социолога, библиотковеда-культуролога, просто широко образованного человека позволяют Н.Е. Добрыниной рассказать о том или ином явлении, раскрыть и рассмотреть

его в самых главных его ипостасях. В конкретно очерченном разговоре об исследованиях детского чтения, которые предпринимались в разное время в России, органично живут: вpleттенная в общий контекст история рождения книги для детского чтения, история движения этой книги к юному читателю, а затем и жизнь ее у читателя-ребенка.

И все это параллельно с рассказом о том, кем и как организовывалось и какие конкретные черты носило то или другое исследование в разные периоды развития российского общества. Одновременно перед читателем пособия предстает галерея замечательных исследователей. Об одних говорится больше, о других — меньше, но всегда достаточно, чтобы читатель увидел досто-

верную картину, понял смысл и вклад каждого из исследователей в общую картину сегодняшних наших представлений о детской и подростковой читательской аудитории, особенностях ее становления, формирования, развития.

Возьмем, к примеру, приведенный в пособии опыт наблюдений З. Горбуновой над первыми шагами ребенка в книжном мире. Этот опыт интересен тем, что он в определенный отрезок времени — непрерывный: он длился несколько лет в естественных условиях и повседневных обстоятельствах жизни семьи, где малыши росли, развивались и где книга была одним из естественных предметов их жизни и взросления.

Ценен в выводах этого опыта и разговор о книгах, которые должны сопровождать «душевное развитие малыша в первые годы его жизни», разговор о характеристиках содержания детской литературы, специфике детских книг. Полезен он и попыткой, на мой взгляд, удачной, создать библиографическую модель ядра произведений, входящих в состав чтения детей до трех лет. Библиотекарь и родитель, прочитав этот материал, могут в концентрированном виде получить представление о том, что такое детская книга, детская литература и детское чтение; в чем особенности восприятия книжного текста маленькими детьми; как начать формировать у ребенка потребность в чтении; какими могут быть методы и приемы в организации домашнего и библиотечного чтения как родителей, так и их малышей. Объект исследования, о котором идет речь в названном опыте, — возраст, который кажется психологически закрытым для взрослого: первые три года жизни ребенка. Здесь же перед читателем пособия — объективные и субъективные причины того, почему исследователи детского чтения порой обходят молчанием этот возраст, в то время как именно в этом возрасте мы находим корни дальнейшего места книги в шкале и системе жизненных ценностей человека.

Трудно не согласиться с автором, что «общение с книгой в ранние годы развивает навыки восприятия духовной культуры» и что «они развиваются только воспитанием, то есть вмешательством извне...». Приведены наблюдения и психолого-педагогические умозаключения К.И. Чуковского, опубликованные им в его знаменитой книге «От двух до пяти». Но главный материал З.А. Горбуновой — это ее личные каждодневные наблюдения за развитием малышей одного возраста из близких, но разных семей, каждодневное фиксирование их отношений с чтением, с книгой, их естественного, постепенного и последовательного

вхождения в книжный мир, возникновения в них зачатков тяготения к чтению.

Бесспорное достоинство пособия Н.Е. Добрыниной, на мой взгляд, и в стиле разговора автора с читателем — будь то студент или уже сложившийся библиотекарь, педагог или родитель: естественность и предельная простота в подаче процессов, явлений, проблем изучения читательских аудиторий детей и подростков, без их упрощения и вульгаризации.

Книги «Соратники мои, библиотекари: Полвека в Ленинке» и «Сквозь полтора столетия: Моя семья» — открыто

личностные в своем повествовании о былом, продолжающемся в сегодняшнем дне. В них, по словам самой Н.Е. Добрыниной, — ее «жизнь и любимая работа», в них — «друзья и семья... И улыбки счастья».

«Соратники мои, библиотекари: Полвека в Ленинке» — это рассказ о целом пласте библиотечной культуры, о

том, насколько уникальна библиотека как культурологический организм, и в частности такой научный библиотечный центр как ГБЛ; насколько уникален в своей профессии и личном предназначении библиотекарь как носитель и популяризатор культуры и духовной жизни общества при всей его внешней «скромности и незаметности»

и насколько неповторимы были те коллеги, с которыми автору книги выпало работать; насколько интересны как личности были библиотекари, с которыми сводила ее профессиональная судьба в разные годы в разных уголках страны.

История *библиотекаря* Натальи Евгеньевны Добрыниной, свидетелем которой, благодаря ее рассказу, становимся мы, читатели ее книги, началась в 50-е годы, когда Наташа Каленова пришла в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина выпускницей филфака МГУ на должность младшего библиотекаря. А потом, шаг за шагом, ступенька за ступенькой Наташа овладела разными специализациями библиотечной профессии, делая техническую работу и участвуя как исполнитель и разработчик в основных программах и проектах научных отделов ГБЛ — научно-методического, научно-библиографического, научно-исследовательского. Мы окунаемся в конкретное историческое время с его особенностями — социальными, бытовыми, культурными, общественно-политическими и, разумеется, биб-

лиотечными; окунаемся во время, пережитое автором и пропущенное через свою душу, свою профессиональную и человеческую судьбу.

Перед читателями один за другим проходят коллеги Натальи Евгеньевны — с разными характерами и разными судьбами, но все они едины в своей верности библиотечной стезе. Это и методисты научно-методического кабинета библиотековедения — уже ставшие легендарными библиотекари середины 50-х годов, корифеи отдела рекомендательной библиографии 70-х годов, известные далеко за границами России научные сотрудники сектора социологии 80-х годов, коллеги по университету культуры. Все они — преданные служители книжной и библиотечной культуры нации.

И сегодня каждое из названных автором книги имен — славная страница, славный эпизод в совсем недавней нашей истории, «интересный и четкий фрагмент духовной истории нашей интеллигенции теперь уже прошлого века» (Н.Е. Добрынина). Замечательные библиотековеды и замечательные личности.

А какие яркие биографии, какой гуманитарный кругозор! Наталья Евгеньевна находит точные и теплые слова для характеристики коллег. «Среди мэтров, — пишет она, — выделялась своей выдержкой, скромностью и деликатностью Елизавета Ионовна Хасина. Так и вижу ее в строгом темно-синем костюме, который очень шел к ее седине, и слышу негромкий голос, умиротворяющий температуры коллег на обсуждениях рукописей».

Вместе с Наташей Каленовой, а затем — Натальей Евгеньевной Добрыниной, методистом и социологом, читатель книги колесит по «городам и весям страны» и «всякое видит». В этом рассказанном о «всяком» больше авторских интонаций радости от увиденных просторов и от встреч по всей стране с «библиотекарями-труженицами», от открытий — гораздо больше, чем интонаций усталости от неудобств и трудностей, с какими сталкивались библиотекари-методисты в своих бесчисленных командировках по огромной территории Советского Союза. Рассказы Натальи Евгеньевны о них — это ярчайшие повествовательные эпизоды, каждый из которых мог бы стать сюжетом для повести или даже романа. Например, ее командировка на Чукотку, на Крайний Север, где они с коллегой-методистом «переживали невыносимые климатические испытания...», выполняя свой методический долг. И тем не менее Наталья Евгеньевна пишет спокойно и даже с каким-то стоическим вкусом и удовлетворением, что командировка на Крайний Север была «чрезвычайно благотворным трудовым опытом, который с новой, неведомой ранее стороны

раскрыл перед нами библиотечную жизнь и людей, творящих ее в отчаянно сложных условиях». Рассказ Натальи Евгеньевны — живой и одухотворенный, и таким его часто делает ее взгляд на проблему или ситуацию. Она с долей юмора пишет о «приключениях» методистов, хотя читатель понимает, что поездка на промерзшей машине в снежной пустоте едва ли так уж смешила пассажиров-библиотекарей тогда. «Мы были романтиками», — часто замечает она. Понимая, что многие их методические хлопоты, особенно связанные с сиюминутными политическими кампаниями, уходили в никуда, они тем не менее искренне верили, что все-таки кому-то они помогали, помогали искренне и самозабвенно. А эта искренность и самозабвенность, как по цепочке, распространялась дальше. Перед читателем книги проходят сельские библиотекари Крайнего Севера, Узбекистана и Киргизии, методисты областных библиотек Чувашии и Ставрополя, социологи Литвы и Латвии и так далее, и так далее. Дела исследовательские приводили автора книги в сельские семьи и сельские школы, и она рассказывает, с какими замечательными и открытыми людьми она встречалась. И воссоздается обобщенный образ открытого и доброжелательного многонационального народа, который и в повседневности сохранял свою открытость, доброжелательность и сердечность.

Читатель окунается в лабораторию отечественного библиотековедения тех лет, о которых Наталья Евгеньевна пишет в главах: «В тот золотой век Чубарьяна», «Острогожск», «СКИЧ». О.С. Чубарьян пригласил ее руководить новой научно-исследовательской темой, связанной с изучением читателей, с «начинавшей, — замечает она, — возрождаться в нашей стране библиотечной социологией». И перед читателем предстает колоритный и довольно привычный для описываемого времени диалог, который характеризует тогдашнюю реальность. На слова автора книги: «Руководить социологическим исследованием — как можно беспартийной?!» — заведующая отделом И.В. Соловьева спокойно, мягко и даже ласково (я позже наблюдала ее в роли заместителя директора ГБЛ и соглашусь с Н.Е.: заместителя директора замечательного. — Ю.П.) отвечает: «Это пусть Вас не волнует!.. Вы будете в подразделении Ирины Владимировны Трутневой. Она член партии, отличный организатор. А ваше дело — науку двигать!» А И.В. Трутнева, «яркий, не унывающий ни при каких сложностях человек», «всегда бодрая и удивительно надежная», необычайного библиотечного опыта, образованности и характера, сказала ей (думаю, с беспрекословными нотками в голосе — я ее тоже еще застала и наб-

людала. — Ю.П.): «Даже не думайте ни о каких партийных препонах!.. Я все контакты с дирекцией, Министерством, ЦК партии возьму на себя. Вы будете только руководить исследованием. Это можно делать и без партийного билета!» — «Ну, что ж (думаю, тогда улыбнулась Наталья Евгеньевна. — Ю.П.), старшему товарищу надо верить! Тем более такому, как И.В. Трутнева».

Все представляемое Н.Е. Добрыниной настолько наполнено ее живыми интонациями, ее эмоциями, перемежается такими яркими живыми эпизодами, что, читая, ты все представляешь в лицах и голосах!

Мы видим, как «молодое творческое крыло...» с благословения О.С. Чубарьяна включилось «бесстрашно в новое дело», участь «социологическому уму-разуму». И в результате появилась сначала грандиозная программа, а потом — грандиозное исследование, вошедшее в мировую социологическую классику чтения под названиями «Советский читатель» и «Книга и чтение в жизни советского общества». В нем соединились исследовательские характеристики, методические приемы и направления, развившиеся позже в дальнейших исследованиях, включая социологические исследования других библиотек, в том числе и международных. А потом готовилась грандиозная монография «Книга и чтение в жизни советского общества». «Мы часто шли ощупью, — пишет Наталья Евгеньевна, — **рыдали и отчаивались, разбивали лбы**, но Оган Степанович неустанно нас поддерживал:

— Ничо, ничо, девчата, работайте, «советский Рубакин» обязательно получится!

А я говорила:

— Вот помяните мое слово: мы еще будем вспоминать это время как звездные часы...

Так и вышло».

Главное качество тех, о ком пишет Наталья Евгеньевна — увлеченность делом: будь это методическая работа, библиографическая или научно-исследовательская, преподавательская. Все ее герои и действующие лица увлеченно творили методическое, библиографическое и социологическое поле своего времени, переходящего на следующую страницу библиотечной истории.

Читатель вместе с автором книги перелистывает страницы программ и проектов отдела рекомендательной библиографии в пору его расцвета. Отдел объединил талантливейших филологов, литературоведов и литераторов, историков литературы и создал классику рекомендательной библиографии художественной литературы XX века: «Русские писатели второй половины XIX — начала XX века», «Классики зарубежной художественной

литературы», серию указателей «Новые книги» и другие.

Для своего повествования Наталья Евгеньевна выбирает хронологическо-тематическую композицию: с одной стороны, это поток ее жизни, с другой — реальное течение времени с его особенностями: общественно-историческими, бытовыми, профессионально-психологическими. Наверное, поэтому, выпустив в 2004 году в свет первое издание «Соратников», она добавляет к тексту две новые главы. В одной Наталья Евгеньевна рассказывает о своем докторском научно-социологическом исследовании; в другой — возвращается к важнейшей проблеме всей своей научной жизни, и как бы концентрируясь в большом разговоре о своем профессиональном пути в научных отделах такого неординарного организма в библиотечной системе Российского государства, как РГБ, еще раз подчеркивает смысл и значимость чтения и книги в жизни каждого человека и ее развитии (главы «СКИЧ» и «Чтение как фактор сближения культур народов СССР»).

В главе «СКИЧ» она рассказывает о работе сегодня уже легендарного научного подразделения ГБЛ, который продолжал грандиозный проект середины 60-х годов «Книга и чтение в жизни советского общества» в 70-х годах — «Советский читатель» и «Книга и чтение в жизни небольших городов». Наталья Евгеньевна рисует тогдашний коллектив сектора социологии ГБЛ как коллектив всепоглощающей молодости и энтузиазма, задирности и глубоких и широких размышлений. Его совсем не смущал тогдашний быт ГБЛ, который описывается Натальей Евгеньевной весело, с юмором, хотя от себя замечу, что, например, мыши нам очень даже досаждали. Но Наталья Евгеньевна права: бытовая неустроенность как-то не мешала «творческой жизни».

Знание сути глобальных исследований 60–80-х годов, в которых она почти всегда участвовала как член исследовательского коллектива, или как основной исследователь, или как руководитель исследования, позволило ей коротко, но емко охарактеризовать эти исследования, выделив в них суть. Это исследования «Книга и чтение в жизни советского села», «Динамика чтения и читательского спроса в массовых библиотеках», «Восприятие венгерской новеллы», «Советский читатель — рабочий», «Домашняя библиотека-80», «Чтение как фактор сближения культур народов СССР».

Наталья Евгеньевна подчеркивает: «Все-таки для проведения централизованных исследований были хорошие условия в советские времена!» А на «распутицу», какая случалась в командировках по сбору эмпирического материала, исследо-

ватели-энтузиасты мало обращали внимания, просто «шлепали по чавкающему снегу...». Колоритно, с некоторой, пожалуй, даже ностальгией, рассказывает она о запомнившихся поездках по селам по программе исследований в Московской области, в Туркмении, в Армении и других уголках страны. Когда читаешь, чувствуешь, какое исследовательское наслаждение испытывала тюрколог Н.Е. Добрынина, проводя изучение чтения в селах, например, в Туркмении, в чем ей помогали сотрудники Национальной библиотеки. И материал они собирали на туркменском языке, что говорит об уровне исследования и квалификации исследователей.

Наталья Евгеньевна создает эмоциональную личностную историографию вышеназванных исследований, и потому не может лукавить и рассказывает о том, что приходилось переживать и унижительные минуты, особенно, когда по приглашению коллег нужно было выехать в другую страну, даже и очень дружественную, почти братскую, например, в Болгарию. Она не может не вспомнить, например, «унижительную процедуру в райкоме партии» перед выездом в Болгарию. В Болгарию ее все же пустили, а вот в Чехословакию на конференцию — почему-то нет.

Стиль повествования Натальи Евгеньевны о былом предельно доброжелательный. Думается, что во многом это объясняется такой чертой ее характера, как терпимость: терпимость по отношению к коллегам, к своим сотрудникам, когда она становилась руководителем, к своим ученикам-студентам и аспирантам, к своей работе, наконец, что бы ей ни поручалось. Хотя мягкая принципиальность, привычка держаться своей точки зрения до конца — тоже в складе ее характера и поведения. А вот агрессивные интонации как автору книг о былом ей совсем не свойственны, даже при описании эпизодов, когда, как она пишет, ее «школили» и в силу разных причин было совсем не сладко. Например, о некоторых эпизодах 50–60-х годов можно было бы по прошествии десятилетий, особенно сегодня, вспомнить с раздражением, наконец, с досадой. Держать себя в жестких рамках «железной» дисциплины, порой, казалось, излишне мелочной, сотрудницам ГБЛ, отягощенным естественным бытом, было совсем не просто. А Наталья Евгеньевна пишет об этом спокойно, с юмором: «Трудовой день в научно-методическом кабинете библиотековедения начинался в девять, а кончался в шесть. Не позже трех минут десятого мы должны были, промчавшись по тоннелю (совсем даже и не короткому. — Ю.П.) под главным корпусом Библиотеки, в комнате ныне уже не существующего зданища рядом с Пашковым домом перевесить с одной дос-

ки на другую свой жетон с номером». Все, что она позволяет себе, это назвать тетрадку, в которой фиксировались минуты ухода сотрудников на обеденный перерыв, «поганенькой».

Теплым документальное, надиктованное памятью и пропущенное через душу повествование книги делают характеристики, данные Натальей Евгеньевной своим коллегам. Возьмем хотя бы ее строчки о Валерии Орловой, которую она называет Лерочкой Орловой. Я помню Леру Орлову, которая рано и внезапно ушла из жизни, — образованного гуманитария, необычайно трудолюбивого человека, талантливого переводчика (несколько переведенных ею словацких пьес ставились во МХАТе). «Мы восхищались, — пишет Наталья Евгеньевна, — ее неумным поиском новых решений, высочайшей, безграничной требовательностью к себе. И скромностью. В нашем шумном секторе эмоции обычно не сдерживались. Лера выделялась своей удивительной “внутренней тишиной”, мягкостью и отсутствием стремления навязать свое мнение... Лерочка Орлова жила интересно и щедро. Ее “след” я очень хорошо прочувствовала, когда занималась социальной психологией по теме своего исследования “Чтение как фактор сближения культур народов СССР”».

Последняя глава повествования Натальи Евгеньевны — пожалуй, самая личная; глава эта очень важна, если учесть сегодняшние проблемы межнациональных отношений в нашей стране. В ней рассказывается о том, как рождалась докторская диссертация Натальи Евгеньевны, осуществлялось исследование, которое проводилось ею по единой методике в Средней Азии, Закавказье, на Украине, в Молдавии, в Прибалтике, автономных республиках РСФСР и проблематика и выводы которого до сего дня (хотя и поменялась политическая система страны, в которой мы живем, и нет СССР) продолжают быть актуальными, если не стали актуальнее, чем в 80-е годы.

Книга **«Сквозь полтора столетия: Моя семья»**, как многое из того, что написано Н.Е. Добрыниной, — о русской культуре и о тех, кто ею жил и живет, кто, в конечном счете, ее творил и творит. Это не просто мемуары, рассказ о роде в истории, во времени, в смене эпох и систем, в смене поколений, это книга ученого, историка и социолога культуры. Н.Е. Добрынина пишет, что ею руководило не только страстное желание поклониться своим предкам, но и желание ученого-социолога и психолога чтения «проследить, как в частной жизни отражается время, события общественно значимые, насколько неотделима она от этих событий, из которых, в общем-то, и складывается история».

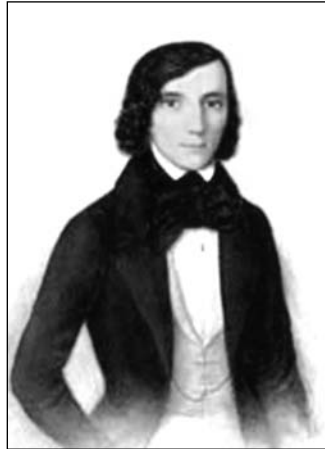

В главке «От автора» Наталья Евгеньевна пишет: «Мне кажется, это закономерно: в переломные периоды истории возникает желание обернуться к прошлому, чтобы увидеть его связь с настоящим, понять меру крепости этой связи и обрести надежду на будущее.

Вот и у меня, когда в конце прошлого ХХ века стало ясно, что мы вступаем в новую эпоху и рождаем новый тип культуры, возникла потребность побольше узнать и постараться рассказать о моих предках, включенных в действительность минувших лет.

Жизнь и дела каждого поколения поучительны, ведь прошлое — это эстафетная палочка для нас, наших детей и внуков. Внимательно вглядываясь в судьбы своих предков, можно заметить, как в последующих поколениях прорастали и развивались те или иные наследственные черты характера, мировосприятия, творчества, нравственных качеств. Это как в дереве: корни, ствол, ветви, листья. Все связано...»

Книга задумывалась как рассказ о роде Станкевичей, о жизни многих представителей этого рода — по сохранившимся архивам: опубликованным и неопубликованным свидетельствам, дневникам, переписке, наблюдениям, воспоминаниям. Н.Е. Добрынина пишет о том слое русской интеллигенции, который, живя естественной, органичной для него и своего времени жизнью, переживая все, что выпадало на долю народа, служил и земле, из которой он вышел, и этому народу честно, хотя и *негромко*. Ее книга — об одной из тех русских фамилий, которые собирали и хранили русскую культуру, несмотря на перипетии временных коллизий, хранили, не поступаясь достоинством, не изменяя тому лучшему, что накопили предыдущие поколения. В ней воссоздается частная жизнь рода на протяжении нескольких поколений в контексте времени, его исторических, социальных, культурологических событий и коллизий, связанных между собою. Читатель узнает о предтечах рода Станкевичей, о славных его представителях, таких как, например, Николай Станкевич; узнает и о тех, кто положил начало сегодняшней ветви Станкевичей — Алексее Ивановиче Станкевиче, создателе и хранителе знаменитого книжного собрания Исторического музея на Красной площади; знакомится с Марией Алексеевной Станкевич, известной в Москве музыкантшей и

Николай Владимирович Станкевич — общественный деятель, философ, поэт

необычайно обаятельный и талантливый. Затем идут очерки, где главными действующими лицами уже выступают сама Наталья Евгеньевна, ее брат Н.Е. Каленов, ее муж А.М. Горбунов, дочери и внуки («Мое довоенное детство», «Война», «Конец войны и первые послевоенные годы», «Университет», «Библиотека»). Отдельные главы посвящаются любви, детям и внукам («О любви», «Дети и внуки»).

Из имен рода Станкевичей нам, гуманитариям, изучавшим когда-то историю философской мысли в России, революционного демократического движения, наиболее знакомо, пожалуй, имя Николая Владимировича Станкевича (1813–1840) — русского философа, поэта, друга В. Белинского, М. Бакунина, К. Аксакова и других членов знаменитого в русской истории либерально-философского кружка, основанного Николаем Станкевичем.

О нем написано довольно много книг, в частности, краеведами Воронежского края, где находилось родовое имение Станкевичей. Здесь до сих пор хранят память о Станкевичах, ценя их вклад в экономическую и культурную жизнь края.

Высоко оценивается историками, культурологами и вклад в культуру деда Натальи Евгеньевны, основателя и хранителя библиотеки Исторического музея Алексея Ивановича Станкевича, племянника Н.В. Станкевича. Щемящее чувство любви к тем, о ком пишет автор, и восхищение ими наполняет образы этих людей светом человеческого тепла и есте-

композитором, и другими членами семьи.

Их быт, их отношение к жизни и друг к другу описаны в очерках «В доме на Никитском бульваре...», «Крым», «20-е годы», «Путешествие на Север». Среди главных действующих лиц — и мама Наталья Евгеньевна, Мария Алексеевна (младшая), и ее отец Евгений Николаевич Каленов, известный советский геолог и геофизик, человек

Стефан Душан — балканская легенда рода Станкевичей

Метеора — святая обитель на скалах в Греции

ственности, исходящей из их духовности и нравственности.

Наталья Евгеньевна не пересказывает написанное о Николае Станкевиче до нее: она вносит в созданный уже портрет свои эмоции, свое восприятие и понимание этой очень красивой личности. Под ее пером возникает образ очень молодого человека, почти «мальчика», как она его называет, который был настолько одарен и талантлив, широк в своей самоотдаче служению общественно-демократическим идеалам, что, дожив всего лишь до двадца-

Старое здание МГУ — alma mater пяти поколений семьи

ти семи лет, оставил непреходящий след в памяти истории России.

Читатель книги увидит, что широта демократических взглядов и убеждений была естественной для многих членов семьи Станкевичей. Подтверждение тому можно найти на многих страницах повествования, взять хотя бы страницы об отношении семьи Станкевичей и выдающегося просветителя-демократа, поэта и фольклориста Латвии XIX века Кришьяниса Барона, чье имя носит Национальная библиотека Латвии и которого латвийцы называют «отцом дайн»¹. Прадед Натальи Евгеньевны, нес-

мотря на неблагонадежность «высокообразованного вольнолюбца» Барона, ввел его в свой дом учителем и «доверил воспитание собственных детей». Таков был общий дух поведения членов семьи Станкевичей даже в пору владения ими огромным состоянием и поместьем в Воронежской губернии. Семье было достаточно того, что Ба-

Усадьба Станкевичей в Удеревке

рон «глубоко образован, замечательно скромный и неприязнительный, в высшей степени вежливый со всеми, крайне терпеливый, сдержанный и спокойный, строго нравственный, добросовестный, мягкий, хотя и настойчивый в обращении с детьми».

Замечательно интересной получилась глава-очерк, в основе своей аналитико-исследовательская, посвященная деду — Алексею Ивановичу Станкевичу. Наталья Евгеньевна не просто рассказывает о жизни деда, она раскрывает все грани его просветительского таланта; размышляет о его научной деятельности как ученой-культуролог под углом зрения оригинальности и вневременной ценности наследия своего деда.

С волнением и родственным трепетом изучив большой архив Алексея Ивановича, который был в ее распоряжении, она рисует портрет собирателя и хранителя русской книжной культуры, рассказывает о его подвижнической деятельности во благо выбранной им для себя цели. Глава необычайно интересна фактографически, впечатляет своим эмоциональным рядом, передающим восхищение внуки своим дедом как ученым и личностью больших человеческих достоинств. Он был удостоен наград — и каких! — два ордена Св. Станислава, два ордена Св. Анны, орден Св. князя Владимира!

В этой книге ее автор не просто присутствует, а «живет», что наполняет книгу светом уважения последующих поколений к жизни поколений предыдущих. Автора восхищает, что ее дед никогда не кичился знакомством с великим князем Сергеем Александровичем, С.А. Толстой, А.Г. Достоевской и другими не менее известными личностями. Алексей Иванович встречался, общался, переписывался со многими известными людьми России как секретарь Общества любителей русской словесности. В книге передается читателю «то живое тепло» его писем, которое Наталья Евгеньевна ощущала, читая их «четкие, аккуратные строчки», и у читателя тоже создается ощущение близкого знакомства с этим человеком. Она вводит читателя в лабораторию пере-

¹ Дайны — латышские народные песни.

водческой работы Алексея Ивановича, его текстологических изысканий, библиографических разысканий; в лабораторию издания им наследия Николая Станкевича, подготовки и издания книги «Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840», его справочно-библиографического аппарата.

Дальше идет глава о бабушке Марии Алексеевне, известной в Москве музыкантше и композиторе,

Московский исторический музей, основателем библиотеки которого был А.И. Станкевич

наследие которой отражено в каталогах Российской государственной библиотеки. И опять перед читателем яркий характер, незаурядная и колоритная личность. Это одна из многих судеб того времени, по которым прошла эпоха социальных перемен.

Основная интонация развертывающегося перед читателем

повествования о роде и о себе — сдержанная и спокойная: автор-рассказчик редко восклицает по поводу достоинств своих предков, она просто рассказывает о них, находя убедительные слова и эпитеты, и своей спокойной интонацией она как бы говорит: «Да, я их люблю, я ими восхищаюсь и горжусь, и Вы, узнав, как они жили, поймете, что у меня есть основания их любить, ими восхищаться, ими гордиться...» Создать живые образы своих персонажей ей помогают точные, порой неожиданные детали. Так, во взгляде Алексея Ивановича на старой фотографии она видит что-то «лукавое, простоватое и очень доброе», и солидный образ серьезного, организованного ученого превращается в образ чрезвычайно обаятельный и домашний.

Наталья Евгеньевна абсолютно права, замечая, что ей повезло, что у нее в семье сохранился семейный архив. Ее мама Мария Алексеевна с 1922 года вела дневник, и ее архив — «маленькое зеркало культуры эпохи». Развернутые дневниковые записи, которые Наталья Евгеньевна приводит в очерке о матери, — интереснейшие эмоциональные свидетельства отношений не только в семье, но и в окружающей среде; колоритная картина реальности, связанная с сюжетами и эпизодами ломки общественных отношений.

Большая удача, что сохранился дневник отца Натальи Евгеньевны — Е.Н. Каленова, как и его публикации, неопубликованные очерки, переписка. Е.Н. Каленов обладал незаурядными литературными способностями, даром наблюдать, видеть природу изнутри и писать о ней.

Рассказывая о своей студенческой университетской юности (глава-очерк «Университет»), Наталья Евгеньевна воссоздает атмосферу МГУ тех лет, рассказывает о преподавательском составе и об отношениях преподавателей со студентами, о многом другом, что передает характер и стиль человеческих отношений, о том, что в этом стиле сохранилось с классических времен XIX века, а что было утеряно в результате катаклизмов, произошедших в России и сознании людей с тех пор.

В этой главе как бы продолжается разговор о том, каким видел университет ее дед, когда оканчивал его, и о его преподавателях, среди которых были, например, И.В. Цветаев и В.О. Ключевский.

Обе **мемуарные книги** Н.Е. Добрыниной наполнены реальными людьми, реальными именами и реальными персонажами. Одни имена она упоминает, другие — очерчивает, о третьих — рассказывает подробно. Сделать действующие лица своего повествования запоминающимися Наталье Евгеньевне помогает ее дар находить точную деталь, штрих в характере или поведении, интонацию в рассказе о том или другом персонаже.

Все три книги Н.Е. Добрыниной — это открытый искренний разговор с читателем, в котором есть место и научному обоснованию проблемы, и человеческой теплоте, без чего немислима жизнь, будь она внутри профессии или вне узкопрофессиональных границ.

Особенность книг в том, что их авторство принадлежит ученому-культурологу, по душевному складу — просветителю. Вы почувствуете это, к какой бы интонации автор ни прибегал: публицистической, лично-доверительной или научно-аналитической.

Культурологические размышления автора книг связывают отдельные куски, пронизывают общее повествование, отдельные сюжеты и эпизоды. В этом был один из замыслов, и автор четко обозначает его.

В начале своего повествования о роде она пишет: «Анализ в глубину прошлого очень важен с точки зрения влияния на человека хронотопа — времени и места его жизни. Этот аспект как раз почти всегда и многими исследователями изучается. А вот попробовать соединить, сплести хронотоп человека с личностными особенностями членов его семьи в минувшем и настоящем — задача, можно считать, новая и захватывающе интересная».

Книги Натальи Евгеньевны Добрыниной — свидетельства времени нашего современника, свидетельства профессиональные и свидетельства человеческие; литературно-документальный документ жизни их автора во времени и той области культуры, которой она служила и продолжает служить сегодня.